

даже и из самых лучших побуждений. Это уже лишает ситуацию прозрачности, и тогда невозможно ничего обсуждать. За какие заслуги Дугин стал профессором? В чем его научный вклад? И что это за наука, которая признает этот вклад «научным»? Вот вопросы, которые необходимо поднимать. Что там Дугин, сам Добренев с «православной социологией» — прямое свидетельство того, что научное сообщество лишено воли решать подобные вопросы.

В этом контексте та борьба, которая была затеяна студентами на социологическом факультете, позволила создать новое поле общественной дискуссии. Пусть пока нет каких-то однозначных результатов в виде снятия или отставки, тем не менее сформировалось общественное мнение по этому вопросу. Сейчас не получилось — но это не значит, что это был неправильный путь и надо переходить на закулисные переговоры с ректором.

Будущие студенты, которые планируют поступать на этот факультет, уже имеют представление о том, что их ожидает. Прецедент публичности, который был создан, — это важный шаг, после которого невозможно делать вид, что ничего не произошло. Чем мощнее будет воздействие студентов и категоричней самоопределение профессоров (как говорится, «с кем вы, мастера культуры?»), тем скорее это позволит вытягивать дальнейшие звенья этой цепи, что, в конечном счете, неизбежно приведет к каким-то положительным изменениям.

Варвара Кобыща Социология в СМИ: скромное обаяние эксперта

Варвара Кобыща,
студентка факультета
социологии ГУ—ВШЭ

Если пытаться ответить на вопрос о границах научного знания, следуя путем социологии науки (и далее — социологии научного знания), мы довольно скоро можем прийти к выводу, что этих границ нет. Классическая позитивистская модель науки, сконструированная Робертом Мертоном, предполагает существование рациональной логики научного прогресса, которая в исключительных случаях может искажаться под воздействием социальных детерминант. В рамках этой модели аналитическое допущение о наличии границ науки фактически является гарантией существования самого научного знания как способа достижения объективной истины. Вторая волна социологии научного знания началась с отказа от этого допущения: «Может ли социология знания изучать и объяснять само содержание и сущность научного знания? — пишет Дэвид Блур. — Многие социологи полагают, что нет. <...> Я буду доказывать, что это является изменой дисциплинарной точке зрения. <...>

Не существует ограничений, которые коренились бы в абсолютном или трансцендентном характере самого научного знания или специфической природе рациональности, обоснова-

¹ Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Ло-гос. 2002. №5-6. С. 162.

ния, истины или объективности»¹. Основным посылом социологов второй волны становится тезис о том, что знание социально сконструировано, что оно является результатом социального производства в той же мере, что и остальные социальные практики. Таким образом, между наукой и социальным миром, включающим в себя остальные, «не-научные» виды знания, нет и не может быть границ.

Однако с исчезновением границ исчезает и само научное знание как специфический объект. По замечанию В.С. Вахштайна, «когда мы фокусируемся на социальных формах производства, конструирования и распространения знания, само знание оказывается за скобками. В этот момент нам совершенно нечего сказать о том, например, что же в работах Дюркгейма способствовало или препятствовало его классикализации. Мы говорим о том, какую позицию он занял в политическом споре и через это указание объясняем его классичность»².

² Вахштайн В.С. Конец социологизма: перспективы социологии науки. Цит. по: www.polit.ru/lectures/2009/08/06/videoon_vahshtain.html

Поиск механизма преодоления этой проблемы приводит к тезису об автономии (суверенитету) когнитивного содержания науки и отказу от применения к нему аналитической логики социологизма (объяснять социальное социальным). Мы же, зафиксировав данную проблему и не претендуя на объяснение содержания научного знания, но оставаясь в рамках собственно социологии, попробуем посмотреть на форму существования социологического знания и его «отношений» со сферой социального.

В декабрьском номере журнала «Большой город» в рубрике «Социология» вышли две статьи, которые являются, с моей точки зрения, интересным материалом для анализа современного способа существования социологического знания. В двух этих текстах описывается «идеальное» состояние различных сфер российского общества, которые по ряду причин воспринимаются их авторами и, возможно, их читательской аудиторией как проблемные. К их числу относятся: ситуация в системе образования, интенсивность просмотра телевидения, участие в благотворительности, представления о российских мужчинах и другие. Общим мотивом данных статей является то, что, согласно им, буквально по всем указанным направлениям произошел очень быстрый сдвиг в позитивную сторону, который был зафиксирован в исследованиях различных социологических агентств. Однако в конце обоих текстов читатель обнаруживает ссылку: «Все описываемые события могли произойти, а могли и не произойти на самом деле» и попадает по ней на страницу, где ему раскрывают весь замысел данного проекта. Он заключался в следующем: «Этот номер “Большого города” — не про райскую жизнь, а про жизнь, в которой все меняется. Для этого достаточно сделать одно допущение — представить “а что если...”»³.

³ Дзядко Ф. В газетах врать не станут // Большой город. 2009. № 22.

Мы предложили людям, недовольным нынешним положением вещей — писателям, фотографам, экспертам, — сказать такое “если” и, отталкиваясь от реальности, предположить, что может измениться». Иными словами, авторы проекта попытались смоделировать явление, описанное теоремой Томаса и понятием «самосбывающегося пророчества» Мертона, тем самым

не только обозначив существующие точки социальной напряженности, но и продемонстрировав реальность альтернативных путей развития ситуации. Для меня в этом эксперименте интересно то, в каком качестве здесь используется рамка «социологии» и какой набор ожиданий формируется по отношению к ней.

Производство знания

В статье «Дайте мне Лабораторию, и я переверну мир»

Б.Латур описывает историю открытия Пастером микробов как последовательное производство новой социальной силы – научного сообщества⁴. Предметом его интереса – в самом общем виде – становится то, как наука в процессе исследования неизбежно конструирует ту реальность, которая вроде бы является исключительно объектом ее изучения. Определяя стратегию действий Пастера, Латур использует два ключевых понятия: «перевод» и «изменение масштаба». «Разумеется, не существует способа узнать, какими являются социальные группы, чего они хотят, и что такое человек, но это не должно удерживать людей от попытки убедить других в том, что является их интересом, к чему им следует стремиться и кем быть. Победу одерживает тот, кому удастся перевести на свой язык интересы других людей»⁵. Пастер, согласно Латуре, осуществляет определенную последовательность действий (сбор образцов на ферме, перенесение их в лабораторные условия, разведение и управление микробами в лаборатории, проведение лабораторного эксперимента в условиях фермы и т.д.), в результате которой общественность, не имеющая отношения к науке, начинает интерпретировать свои проблемы и способы их решения в той понятийной рамке, которую ей предлагает наука в лице Пастера.

Проблема подобного «перевода» легко обнаруживается не только в случае с естественнонаучными лабораторными исследованиями. В еще более очевидной и институционализированной форме она существует в социальных науках: подготовка программы исследования начинается с рассказа об актуальности выбранной перспективы анализа, а в конце итогового отчета мы описываем «применимость исследования и предложения по дальнейшему развитию темы». Таким образом, даже если у исследования нет заказчика и оно проводится только в образовательных целях, социолог обязан осуществлять подобный «перевод», тем самым фактически конструируя и оформляя потенциальные интересы тех социальных категорий, относительно которых выстраивается его работа.

Мы рассмотрим процедуру «перевода» на примере неакадемического текста, который апеллирует к корпусу научного знания. Речь пойдет о статье Александра Новикова «Русские сезоны», опубликованной в журнале «Большой город» (№ 22, 2009). Однако прежде необходимо пояснить, что эта статья написана на основании вымышленных данных реальным исследователем, представляющим социологическую (маркетинговую) сферу. Поскольку по замыслу авторов проекта эта статья должна была выглядеть максимально убедительно, в ней были использованы стандартные приемы, которые можно обнаружить в подобных статьях социальных ученых (исследователей, аналитиков), публикующихся в изданиях для массовой аудитории.

Наиболее показательным мне кажется начало статьи: «В ноябре 2009 года мы закончили проект продолжительностью 10 лет о восприятии мужчин в различных странах Старого Света, включая Россию. Этот гигантский массив данных еще предстоит осмыслить и ин-

терпретировать, тем не менее уже сейчас можно говорить о самом главном феномене. К финалу 2009 года мы зафиксировали начало настоящей социальной эпидемии: сначала среди западноевропейских женщин, а затем среди заокеанских самым неожиданным образом стали невероятно популярны и востребованы мужчины из России. Первой, едва заметной ласточкой в качестве предвестника нового социального тренда стала роль Михаила Барышникова в сериале «Sex and the City».

В первой части приведенной цитаты автор сообщает о реализации широкомасштабного исследовательского проекта, называет его тему и общие условия проведения, для этого используется научный регистр. Но во второй части он формулирует результаты исследования уже совершенно иначе: изменяется лексика и появляется авторская позиция, что свойственно публицистическому стилю. Таким образом, происходит сближение научного проекта и обыденного социального контекста. Далее на протяжении всей статьи реализуется этот же прием: используются научные данные и научная терминология, которые затем непременно уточняются и интерпретируются с точки зрения повседневного человеческого опыта, «общеизвестных фактов». Интересно, что даже обязательные для научного текста цитаты из интервью с респондентами выступают в этих ситуациях как связующее звено между двумя типами дискурса. Результатом подобной работы является переопределение интереса аудитории в соответствии с задачами автора статьи, который выступает в роли представителя определенной области знания. Согласно Латуре, «они [лаборатории⁶ – В.К.] корректируют общество и перестраивают его именно посредством своего содержания, которое на первый взгляд кажется не относящимся к делу или слишком техническим»⁷.

Экспертное знание

Следующий вопрос, который необходимо рассмотреть в связи с этим журнальным проектом, заключается в том, за счет чего становится возможным описанная операция перевода и производства интересов как часть социального конструирования реальности. Для этого мне кажется целесообразным обратиться к концепции экспертного знания.

Как я уже отмечала, данный проект является частью рубрики «Социология», которая существует в журнале «БГ» с середины 2009 года. Рубрику ведет Александр Новиков – социолог, директор исследовательской компании «Радость понимания», нередко выступающий в роли эксперта в различных аналитических передачах и деловых изданиях. В «БГ» он публикует статьи, которые содержат анализ таких социокультурных явлений как «интеллектуальный аутсорсинг», демонстративное потребление, распределение рабочей силы и т.д. Эти статьи чаще всего строятся по одному принципу и включают в себя несколько обязательных элементов.

Пример из повседневной жизни: «Я давно не добирался в Санкт-Петербург на поезде и был несколько шокирован – поездка в СВ в одну сторону теперь стоит 6170 рублей»⁸.

Указание на профессиональную деятельность автора: «На недавнем интервью один респондент предположил, что такое внимание к похоронам Япончика – лишь способ отвлечь внимание электората от результатов подсчета голосов»⁹.

Различение обыденного и экспертного понимания проблемы: «Уже несколько раз в нашу компанию обращались с просьбой объяснить,

⁴ Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6.

⁵ Там же. С. 214.

⁶ В данном случае понятие лаборатории тождественно любому научному коллективу: «Неважно, являются ли они экономистами, физиками, географами, эпидемиологами, бухгалтерами или микробиологами...».

⁷ Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6. С. 239.

⁸ Новиков А. Половая жизнь // БГ. 2009. № 16.

⁹ Новиков А. Бренд не мой // БГ. 2009. № 15.

почему русские так демонстративны в потреблении, так любят дорогие, яркие вещи с крупными логотипами на заметных частях тела. Само собой подразумевается, что это уникальная и только нам присущая черта. Слабо удается донести, что, во-первых, все не так просто и однозначно...»¹⁰.

Генерализация описанных случаев и переопределение их в научных терминах: «Этот очень специфический и не самый прозрачный пример делегирования своих интеллектуальных полномочий кому-то или чему-то другому очень ярко демонстрирует, к чему приводит важнейший тренд последней тысячи лет – “дифференциация и специализация”: разделение труда постепенно проникает во все области человеческой жизни»¹¹.

Научные данные, релевантные рассматриваемой проблеме: «Оказалось, что листки, блокноты и карандаши игнорируются не случайно: для 62% опрошенных людей удобнее печатать на компьютере, чем писать от руки. При этом 30% людей не смогли ответить или ответили неправильно на вопрос, сколько будет 7 умножить на 6, а 42% не смогли сложить 112 и 244»¹².

На основании этого можно было бы предположить, что экспертное знание, которое производится в этих текстах, «связано с научными знаниями, но имеет большее отношение к людям и их проблемам, чем к миру идей и логике фактов»¹³. Однако простой отсылки к корпусу научного знания будет недостаточно для того, чтобы объяснить степень доверия читательской аудитории, позволяющую осуществлять рассматриваемый проект. Недостаточно ее будет, главным образом, потому, что общественная ценность науки не является абсолютной¹⁴. Она нуждается в механизмах социального обоснования и должна поддерживаться демонстрацией ее значимости и эффективности в решении проблем повседневного человеческого опыта. Одним из вариантов решения этой задачи является выход социологии за пределы академического сообщества и использование сферы обыденного знания не только как объекта исследования, но и как поля коммуникации.

Согласно концепции Рассела Хардина, «“эксперт” – это самоопределение, основанное на доверии, авторитете и институциональных приемах»¹⁵. Он выступает как представитель определенного социального института, доверие к которому укоренено в коллективных представлениях и поддерживается принадлежностью к референтной группе. В силу довольно ограниченного характера коммуникации, при формировании позиции эксперта принципиальное значение приобретают самоопределение и институциональный контекст. Рамка журнала не предполагает возможности проверки деятельности или суждения эксперта, поэтому все, на чем основано доверие публики, – это название рубрики, обозначенный статус автора и используемые им специальные лексические средства. Иными словами, «эксперт – это тот, кто ведет себя, как эксперт»¹⁶. Хардин вводит понятие «эпистемической зависимости». Андрей Кожанов в своем комментарии отмечает, что: «новичок эпистемически зависит от эксперта во всем, кроме того, в чем он(а) сам(а) эксперт. <...> Эксперт же выполняет обеспечивающую функцию, удовлетворяя потребность в знании и информации тех, кто не хочет самостоятельно озаботиться этими проблемами»¹⁷. Однако когда речь идет об эксперте-социологе, возникает препятствие, которое мешает формированию такого рода зависимости. Оно заключается в том, что объекты социологического знания в представлении не-социологов

принадлежат к области их собственного повседневного опыта и поэтому могут быть поняты с помощью простого «здравого смысла» (common sense). Отсюда происходят частые претензии к социологии по поводу того, что она занимается описанием очевидностей «другими словами». Тем не менее доверие и зависимость в той или иной мере сохраняются, свидетельством чего служит рассматриваемый проект.

А.А. Кожанов, на работу которого я уже ссылалась, предлагает обратиться к анализу экспертного знания Стива Фуллера: «В современном обществе цели эксперта и цели новичка не могут совпадать. Описываемое им [Фуллером – В.К.] научное знание обладает признаками авторитарного, а не меритократического происхождения. <...> Экспертиза носит конститутивно социальный характер, а выделение роли “эксперта” есть процесс присвоения эпистемической власти (а не просто зависимости, как у Хардина) в сообществе. С этой точки зрения, эксперт не подрядчик, а хозяин положения...»¹⁸. «Конститутивно социальный характер» и активная позиция эксперта воплощаются в описанной выше процедуре «перевода», в результате которого знание производится и одновременно становится предметом интереса социальной аудитории и механизмом реализации эпистемической власти экспертов, которые его произвели.

В конце своей статьи А.Новиков пишет: «Устойчивые стереотипы в отношении других людей часто не позволяют увидеть те грандиозные перемены, с которыми мы неожиданно оказываемся лицом к лицу. Многие эксперты уверены, что на этот раз Россия сумеет использовать этот важнейший тренд себе на пользу»¹⁹. Это утверждение, учитывая характер проекта, в рамках которого оно было высказано, является очень показательным для понимания того, как позиционируют себя эксперты, представляющие социологическую науку. Развенчание стереотипов обыденного понимания и фиксация (или производство) социальных «трендов» оказываются специфической практикой, при осуществлении которой новички обращаются к социальным экспертам (социологам?). Рассмотренный нами проект, как мне кажется, служит показателем степени эпистемической власти и «навыков» социального конструирования, которыми обладает данная категория экспертов. Он демонстрирует, с одной стороны, отсутствие раз и навсегда конституированных институциональных границ науки (в классическом понимании Мертона), а с другой – наличие причиняющей силы научного знания по отношению к области социальных практик ■

10
Новиков А. Ложь как предчувствие // БГ. 2009. № 21.

11, 12
Новиков А. Прощай смекалка // БГ. 2009. № 17.

13
Кожанов А.А. Анализ экспертного знания и социальной роли эксперта как автономная предметная область современных социальных исследований / Социологические этюды: сборник статей аспирантов. М.: ИС РАН, 2006. С. 5.

14
Gieryn T.F. Science and Coca-Cola // Science & technology studies Vol. 5. 1987. № 1.

15
Цит. по: Кожанов А.А. Анализ экспертного знания и социальной роли эксперта как автономная предметная область современных социальных исследований / Социологические этюды: сборник статей аспирантов. М.: ИС РАН. 2006. С. 243.

16,17
Там же. С. 244.

18
Там же. С. 245.

19
Новиков А. Русские сезоны // БГ. 2009. № 22.